

Я.А. Семёшкина
Казахстан, Астана,
Казахстанский Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
Научный руководитель д.ф.н., профессор Т.В. Кривошапова

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «ЖИТИЕ ОДНОЙ БАБЫ»

Творческое наследие Н.С. Лескова – явление русской классики, религиозное по своему художественному наполнению в высшей степени. Литературная традиция изображения христианского мирозерцания мастерски воплощена в книгах Лескова, писателя, который, пожалуй, крепче всех верил «в праведность России» [1] и которого по праву должно считать самым православным из русских писателей [2, с. 490].

«Лесков, как очарованный, сподобился всю жизнь стоять перед чудом человеческого подвига и подвижничества и до конца жизни понял и схватил эту героическую стихию», – писал из Софии в 1921 году П. Сувчинский. Сокровищница народных характеров, созданная Лесковым, открыла русского человека заново, показала его таким, каков он есть на самом деле.

Герои Лескова самобытны до крайности, это герои русских былин и сказаний, живущие среди народа.

«Творческий мир Лескова – нечто среднее между Прологом и былиной. Жизнь каждого, даже самого незаметного, была для Лескова сосредоточенное и значительное житие, причем это не было вдохновенным подходом к действительности изнутри, а редчайшим даром ухватывания, усматривания истинного подвига и славы – в тайниках и порослях жизни» [1].

Художественное выражение догматов христианства у Лескова обусловлено, прежде всего, жанровым разнообразием, в котором центральное место принадлежит жизнеописаниям «праведников», «житиям» людей из народа. Лесков не ограничивается жанром жития, каркас, выбранный им для повествования, может быть разным: это и повесть («Житие одной бабы»), и рассказ («Скоморох Памфалон»), и даже новелла («Человек на часах»). Жанр в данном случае определяет только способ подачи материала, не влияя на внутреннюю структуру произведения (так, например, мотивный комплекс, характеры и портреты героев, тема и идея остаются неизменными).

Рассмотрим более конкретно жанровую концепцию жития на примере повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы». Заглавие повести содержит в себе жанровое наименование. Однако поэтика названия идет вразрез со всеми агиографическими канонами: оксюморонное сочетание высокого жанра (житие) соседствует с просторечным «баба», используемое для обозначения героини, никак не выделенной из числа подобных ей мирских женщин. Подобного рода двойственность, диаметрально противоположность прослеживается не только в заглавии, но и в категории имени как таковой.

Традиционно название жития включает в себя имя подвижника («Житие Александра Невского», «Житие Константина Философа», «Житие святого Симеона Столпника»). У Лескова героиня повести в заглавии не названа, несмотря на то, что в произведении у нее два имени («Настя», «Марья») и десять вариантов одного из них (крещеного «Анастасия»), возможно, не названа она и потому, что автор сделал её и двуименной и безымянной одновременно – ещё одно художественное противоречие. Имя в повествовании несёт ключевое значение. Так, главная героиня названа в повести Настей, Настюшей, Настасьей, Настькой, Настюшкой, Настасьюшкой, Настасьей Борисовной и даже Настькой–сухопарой в традиции полуимени, о которой рассуждает сам автор: « У нас всё всякому своя кличка приложена, и мужикам, и бабам, и девкам: Гришка–жулястый, Матюшка–раскаряка, Алёнка–брюхастая, Анютка – круглая, Настька–сухопарая – все так. Иной раз за этими кличками и крещеное имя совсем забудут. Зовут все девку «круглая» да «круглая», а как придется по имени назвать так никто и не знает. И клички же бывают! От иной с души мутит, а иную и сказать срамно; а с привычки–то ничего» [3, т. 2, с. 111].

О двойственности человеческой природы сокрушается автор: крещеное имя заменяют кличкой, подобно тому, как духовный, истинный человеческий облик предпочитают «животной» сути. Так и привыкает человек к своей звериной натуре, и потому как животное во многом и живет.

Тут–то и раскрывается двойственность всего мотивного комплекса повести, сближающего творческую манеру Лескова с принципами художественного выражения житийного канона. «Вечная» тема добра и зла, получившая первоначальное освещение в житиях через отношения противопоставления: верх / низ, светлый / тёмный, тёплый / холодный, внутренний / внешний, у Лескова поднимается до соотношений космического хронотопа: небо / земля, север / юг, день / ночь, земля / небо [4, с. 203].

Подобным образом при помощи построения художественного пространства как вертикальной оппозиции светлого верха и темного низа мотив добра и зла выражается в повести «Житие одной бабы», где верх символизирует идеальные, вечные ценности. Низ, напротив, – пороки, обыденность, обывательское мышление [5, с. 128].

Народный лекарь Сила Иванович Крылушкин «мог бы дать Насте совсем отдельное помещение, но он не поместил ее *внизу*, а взял *к себе наверх*» [3, т. 2, с. 157]. Оппозиция верх / низ зашифрована в самом имени персонажа. «Сила Иванович Крылушкин» – искусственно заданная модель. Искусственно это имя, прежде всего, своей полярностью: Сила земли (буквальное значение «Сила» – «дикий, лесной, молчаливый») через нейтральное, общерусское «Иван» – к небу в его народном, ангельском представлении «Крылушкин» являет в имени целителя героини ее спасение земное и небесное.

С мотивом добра и зла связан мотив оборотничества, символически указывающий на тёмные, бесовские начала в натуре человека. В житиях, как правило, бес, искушающий святого, появляется в разном облики. Он

изменяет свой облик, являясь то зверем, то человеком. У Лескова мотив оборотничества видоизменился: перевоплощение происходит не внешнее, а внутреннее и не беса, а человека. Внутренние метаморфозы выражены сравнением, параллелизмом. Например, Костик, брат Насти, сопоставляется с волком: «Костик и держался от семьи, словно волк какой, все стороною, особнячком» [3, т. 2, с. 130]. В фольклоре волк ассоциировался с Перуном и с дьяволом. В народном представлении волк – разбойник и вор. Мотивы воровства и злобности акцентированы в художественном образе Костика: «От Костика ей никакого почтения не было: разбойник разбойником вышел», «Бога ты, Костя, не боишься!», «злющий–презлющий» [3, т. 2, с. 125] – расширяют семантику мотива оборотничества.

Данный мотив соотносится с образом самой Насти. Состояние сумасшествия отчуждает её от людей и сближает с миром животных: «Пастухи рассказывали, что видели, как она рубашкою ловила на узеньких пережабинах Гостомли мелкую рыбёшку <...>; а другие уверяли, что Настя ела эту рыбу сырую, даже живую. Совсем она зверёнком стала» [3, т. 2, с. 178].

Ведущим мотивом в системе противопоставления праведность/ грехопадение является мотив огня, в повести он приобретает символическое и метафорическое значение. Центральное место в его формировании занимают образы «огненного змея» и «огненной реки», символизирующие грешную любовь Насти и Степана. Центральными религиозными мотивами выступают мотивы спасения, искушения, искупления, покаяния, греха, страдания, вины. Мотив возрождения реализуется с помощью темы детства, точнее, в мотиве сна барской дочери Маши. Кроме того, мотив возрождения соотносится с мотивом молитвы.

Сюжет повести укладывается в биографическую схему жития очень условно. По сути, испытание смирения и кротости главной героини сводится к испытанию несчастливим замужеством. В нем как будто сгустились прочие лишения, и все бесправие, безволие, зависимость Анастасии слились для нее в поругание единственного, что еще оставалось в ней не доступным, – ее женской сути. Ненавистный муж стал для Насти источником как будто житийной добродетели – отказа от плотского греха, пусть и освященного венчанием. Однако вопреки житийной традиции (в частности, тезоименитой покровительницы героини – Анастасии Узорешительницы, хранившей в замужестве девство, ссылаясь на неизлечимую болезнь [6, т. 2, с. 259]), воздержание не явилось личным подвижничеством героини, а объяснялось лишь ее чувством омерзения к суженому. Более того – этот плотский грех стал возможным для героини (пусть и после долгого сопротивления) со Степаном, чужим мужем при живом своем, и это грехопадение стало началом еще более страшных испытаний для героини и, в конце концов, ее гибели в состоянии поврежденного ума. Житие, таким образом, свелось к описанию горестного «житья–бытья» одной бабы из народа, подобного многим другим судьбам–житиям. Очерковый характер повести (с

публицистическим финалом) лишь подчеркивает социальный характер описания.

Список литературы

1. Сувчинский П. Знамение былого // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М., Беловодье, 1997. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nevmenandr.net/eurasia/1922-narutiax-PPS-znameniam.php>
2. Мирский Д.С. Лесков // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. – London: OverseasPublicationsInterchangeLtd, 1992. – 872 с.
3. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: ТЕРРА, 1998, Т.2. – 992 с.
4. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 2000. – С.230
5. Васильева О.В. Мотивный комплекс раннего творчества Н.С. Лескова // Вопросы филологии, 2013. № 7. – С 128
6. Анастасия Узорешительница // Православная энциклопедия. – Т.2. – М, 2000. – 717 с.